
РЕЦЕНЗИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 120—125
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.12

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 120—125
ББК 88.323
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.12

Рец. на кн.: **Поллак У. Настоящие мальчики: как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве.** М.: Ресурс, 2014. 512 с.

Е. Б. Хитрук

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Россия, lubomudreg@gmail.com

Review to: **Pollack W. Real Boys: Rescuing Our Sons from the Myths of Boyhood.** Moscow: Resource, 2014. 512 p.

E. B. Khitruk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lubomudreg@gmail.com

Книга профессора Гарвардского университета, содиректора Мужского центра больницы Мак-Лин, основателя Общества психологического изучения мужчин и маскулинности Американской психологической ассоциации Уильяма Поллака «Настоящие мальчики» представляет собой итог двадцатилетнего исследования проблем мальчиков, в том числе и в рамках проекта «Слушая голоса мальчиков». В своей работе доктор Поллак ставит задачу преодоления устаревших и вредоносных стереотипов о природе мальчиков и принципах их воспитания. «Голоса» самих мальчиков, истории их жизни и борьбы, рассказанные ими, а также их родителями и педагогами, легли в основу этого беспрецедентного исследования.

Книга доктора Поллака открывает читателю тот факт, что, так же как многие другие социальные группы, испытывавшие давление и дискриминацию в течение долгого периода западноевропейской истории, мальчики были лишены собственного голоса в культурном пространстве. За них и вместо них деятели науки и религии, педагогики и психологии проговаривали их специфические нужды и потребности, устанавливали правила их поведения, а также регламентировали жесткие, а зачастую и жестокие способы контроля за исполнением этих правил.

Суть такого внешнего взгляда определялась, да и сегодня в значительной мере определяется, андроцентристским характером культуры и бинарным стилем мышления, формирующими представление о мужчине как о физически развитом, бесстрашном и эмоционально замкнутом мачо. Мальчики в этом контексте рассматриваются как существа, обязанные доказать свою мужественность, демонстрируя все значимые атрибуты традиционного эталона «настоящего» мужчины [Бадентэр, 1995: 119—120]. Что при этом переживают сами мальчики? Каким именно образом такое «видение» и система воспитания влияют на их эмоциональное здоровье и в целом благополучие? Как именно эта традиция отражается на дальнейшей жизни взрослых мужчин в качестве отцов, мужей и профессионалов? Подобные вопросы воспринимаются в данном контексте как некорректные. Да и стоит ли обращать внимание на «издержки» традиционной модели социализации мальчиков, если она направлена на воспитание героя, защитника, опоры семьи и государства? «Стоит!» — отвечает в своей книге У. Поллак. Более того, именно восприятие самими мальчиками своей непростой жизненной ситуации, а также внимательное исследовательское отношение к конкретным историям и проблемам способны впервые приоткрыть завесу над подлинным положением мальчишества в современном мире. Ежедневные битвы мальчиков за радость жизни, за дружбу и любовь, за право выражать нежность и привязанность, за право быть эмоционально открытыми, не страшась прослыть женоподобными, — это как раз та правда о мальчиках, в которой так нуждается современное общество, впервые созревшее для серьезной и глубокой попытки понять и узнать «настоящих» мальчиков.

Начиная с первых страниц своей книги, доктор Поллак характеризует современную систему воспитания мальчиков как проблемную. Традиционное представление о мужественности противостоит сегодня объективным тенденциям плюрализации маскулинных паттернов, что в мальчишеской среде приводит к нарастанию неопределенности в понимании того, что значит быть мужчиной. Как следствие, напряженность размывания четких диспозиций маскулинности парадоксальным образом сосуществует в социальном пространстве с императивом «будь мужчиной», подразумевающим традиционные коннотации. Эта противоречивость внешних требований формирует мальчика, «разрезанного надвое» [там же: 196]. Одна из его половин демонстрирует классические маркеры гегемонной маскулинности — риск, бесстрашие, напористость и успех, другая — подавленность, растерянность и глубокое одиночество. «Даже те мальчики, — пишет Поллак, — которые внешне выглядят успешными, молча страдают внутри — от растерянности, одиночества и отчаяния. Они в разладе с собственным внутренним Я и часто чувствуют себя отчужденными от родителей, родственников и сверстников» [Поллак, 2014: 17]. Маска маскулинности скрывает страх и отчаяние на настоящих лицах наших мальчиков.

У. Поллак видит главную причину сложившейся ситуации в том, что современное общество продолжает поддерживать и воспроизводить те традиционные представления о противоположности полов и естественной эмоциональной закрытости мужчин, которые само это общество объективно переросло. Плюрализация моделей маскулинности, так же как и преодоление гендерного неравенства, является неизбежным шагом на пути взросления нашей цивилизации.

Однако ригидность общественной структуры, функционирующей как на уровне институциональных гендерных режимов [Коннелл, 2015], так и на уровне рутинных практик, поддерживает существование традиционного эталона маскулинности и обеспечивает его репрессивное влияние на стили поведения и модели социализации. Один из основных ударов этого фундаментального социального противоречия, без сомнения, приходится на мальчиков. «Не осознавая того, — пишет Поллак, — общество судит мальчиков по устаревшим представлениям о мужественности и о том, как мальчик становится мужчиной. Эти модели (многие из которых датируются девятнадцатым веком) просто не имеют ничего общего с современным миром» [Поллак, 2014: 20].

У. Поллак фиксирует два основных источника поддержания указанной напряженности в мальчишеской среде. Первый источник связан с эссенциальными представлениями о том, что в современном обществе подвижных дефиниций мальчики продолжают являться теми, кто обладает неизменной сущностью («мальчишки есть мальчишки»). Эта сущность предполагает в качестве естественных для мальчиков раннюю сепарацию от семьи, отсутствие таких негативных переживаний, как страх или стыд, отсутствие навыка проговаривания своих чувств, предпочтение физического способа разрешения конфликтов, дистанцирование от всего женского или женственного. На деле данная сущность выступает своеобразной смирительной рубашкой, которую независимо от своих индивидуальных особенностей и потребностей должен носить каждый мальчик для того, чтобы быть признанным нормальным в среде и взрослых, и сверстников. Любое, даже самое минимальное отклонение от этого эталона жестко табуировано [там же: 32]. Второй источник связан с той культурной формой, в которой происходит трансляция описанной выше эссенциальной установки. Эта форма удивительным образом обеспечивает стабильность производства и воспроизводства сущностной модели мальчишества в среде самих мальчиков и юношей и обозначается У. Поллаком как «мальчишеский кодекс». «Кодекс, — пишет доктор Поллак, — это комплекс поведенческих стратегий, правил поведения, культурных предрассудков и даже языковых норм, которые внушаются мальчикам в нашем обществе с самых первых дней жизни» [там же: 22]. Данный свод неписаных правил сравним с зеркалом, в котором отражается не настоящее лицо мальчика, но устаревший и противоречивый, хотя и активно навязываемый обществом образ идеального мальчика. Стараясь подражать этому абстрактному образу, мальчики постепенно теряют способность понимать себя и критически относиться к тому набору табу, который постоянно обращает к ним общество посредством «мальчишеского кодекса». Маска постепенно врастает в лицо...

Мальчишеский кодекс настолько вплетен в самые разнообразные сферы общественной жизни, что доступ к его осознанию, а следовательно, и к ограничению его негативных последствий (депрессии, суициды, агрессия, одиночество [там же: 22]) оказывается в значительной степени затруднен базовыми схемами мышления, имеющими глубокие корни в истории западноевропейской цивилизации [Бурдые, 2005: 294].

Однако исследовательский опыт доктора Поллака убеждает его в том, что мальчики способны сопротивляться репрессивному воздействию культурных стереотипов. При этом современные педагоги, психологи, родители должны

понимать, как остро наши мальчики нуждаются в любви и поддержке на этом сложном пути. «Настоящим мальчикам, — пишет Поллак, — нужны рядом люди, которые позволят им показывать *все* свои эмоции, включая наиболее интенсивные чувства грусти, разочарования, страха» [Поллак, 2014: 508]. Воспитание эмоциональной открытости — один из самых важных шагов к деконструкции репрессивной модели мужской социализации. Поддержка вместо устыжения, привязанность вместо сепарации, уважение вместо давления должны стать глубинной основой нового отношения к воспитанию мальчиков для того, чтобы они осмелились показать обществу свое настоящее лицо. Как утверждает доктор Поллак, «если им не мешать, мальчики — в высшей степени любящие и заботливые существа» [там же: 507].

Книга У. Поллака «Настоящие мальчики» — одна из первых попыток распознать в мальчиках еще одну социальную группу, претерпевающую мощное негативное давление бинарной гендерной схемы традиционной культуры [Vem, 1981]. Наряду с женщинами, трансгендерами, этническими и сексуальными меньшинствами, мужчины и мальчики также являются «священной жертвой» андроцентристского нормативного канона [Гилмор, 2005: 235]. Их, очевидно, привилегированное положение в обществе имеет и обратную сторону «в виде постоянного напряжения или усилия (иногда доводимого до абсурда), навязываемого каждому мужчине необходимостью доказать свою мужественность» [Бурдые, 2005: 325].

Одновременно с этим книга доктора Поллака уже успела стать классическим произведением в рамках современного направления гендерных исследований — *boyhood studies*. Развивая методологию мужских исследований (*men's studies*) представители данного направления (М. Киммел, Р. Коннелл, Д. Гарбарино и др.) стремятся не только описать существующие репрессивные практики мужской социализации, но и детально проработать философские, психологические и социальные аспекты их деятельного преодоления [Kimmel, 2002, 2003; Connell, 2000; Garbarino, 1999].

Изучение специфических проблем мальчиков, в том числе и благодаря масштабному исследованию У. Поллака, приобретает в современном научном дискурсе большое значение. В то же время эта тенденция в общественном пространстве продолжает сосуществовать с так называемым консервативным поворотом, благодаря которому обретают свое новое воплощение ценности традиционной культуры. Милитаризированная модель маскулинности как один из самых ярких маркеров традиционализма вновь обращает к нашим мальчикам целый комплекс жестких требований и запретов, реализующих классические мифы о мужчине как бесстрашном, сильном и молчаливом воине. В значительной мере эта попытка воссоздания традиционной культуры связана со специфическими перипетиями политической, социальной и религиозной ситуации в Российской Федерации. Как отмечал И. С. Кон, настоящая беда российского общественного сознания заключается в подмене трезвого научного подхода «примитивной морализацией, когда весь мир делится на “плохое” и “хорошее”, и надежде на то, что все проблемы могут быть решены с помощью денег и административного ресурса» [Кон, 2009b: 385].

Российская педагогика остается «бесполой», в то время как мальчики и девочки продолжают испытывать специфическое и разнонаправленное давление классической гендерной схемы. И даже тогда, когда о различиях все-таки вспоминают, зачастую эта схема, разрушительные последствия которой многократно описаны в гендерных, женских и мужских исследованиях, и выступает универсальным критерием специализированного подхода к мальчикам как будущим защитникам и к девочкам как будущим домохозяйкам.

Замалчивание и отрицание мальчишеских проблем [Кон, 2009а: 305] способствуют только нарастанию масштаба депрессий, суицидов, алкоголизации и преступности в мальчишеской среде [Хитрук, 2017].

Издание книги У. Поллака «Настоящие мальчики» в России — замечательный повод задуматься о том, что грамотное и последовательное, основанное на современном материале и методологии изучение мальчиков — это не вопрос частного исследовательского интереса, но в действительности вопрос здоровья нашего общества, вопрос жизни и смерти.

Библиографический список

- Бадентэр Э.* Мужская сущность / пер. с фр. И. Ю. Крупичевой, Е. Б. Шевченко. М.: Новосты, 1995. 304 с.
- Бурдые П.* Мужское господство // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики: сборник статей / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286—365.
- Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М.: РОССПЭН, 2005. 259 с.
- Кон И. С.* Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2009а. 704 с.
- Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009b. 496 с.
- Коннелл Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 432 с.
- Поллак У.* Настоящие мальчики: как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве / пер. Е. Жолниной. М.: Ресурс, 2014. 512 с.
- Хитрук Е. Б.* «Я не могу себе этого позволить»: система табу в современной мальчишеской культуре // Мальчишество как социокультурный феномен: сборник материалов Международной научной конференции / под ред. Е. Б. Хитрук. Томск: Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2017. С. 4—10.
- Ветт S.* Gender schema theory: a cognitive account of sex typing // *Psychological Review*. 1981. Vol. 88, № 4. P. 354—364.
- Connell R.* *The Men and the Boys*. Sydney: Allen & Unwin, 2000. 272 p.
- Garbarino J.* *Lost Boys: Why Our Sons Turn Violent and How We Can Save Them*. New York: Free Press, 1999. 288 p.
- Kimmel M.* A war against boys? // *Tikkun Magazine*. 2002. Vol. 15, № 6. P. 57—60.
- Kimmel M.* About a boy // *Vassar*. 2003. Vol. 100, iss. 1. URL: <http://vq.vassar.edu/issues/2004/01/last-page/> (дата обращения: 15.05.2017).

References

- Badentèr, È. (1995) *Muzhskaia sushchnost'* [The male identity], Moscow: Novosti.
- Bem, S. (1981) Gender schema theory: A cognitive account of sex typing, *Psychological Review*, vol. 88, no. 4, pp. 354—364.
- Burd'e, P. (2005) Muzhskoe gosподство [Male dominance], in: Burd'e, P. *Sotsial'noe prostранstvo: polia i praktiki*, Moscow: Institut èksperimental'noï sotsiologii, St. Petersburg: Aleteia, pp. 286—365.
- Connell, R. (2000) *The Men and the Boys*, Sydney: Allen & Unwin.
- Garbarino, J. (1999) *Lost Boys: Why Our Sons Turn Violent and How We Can Save Them*, New York: Free Press.
- Gilmor, D. (2005) *Stanovlenie muzhestvennosti: kul'turnye kontsepty maskulinnosti* [Manhood in the making: cultural concepts of masculinity], Moscow: ROSSPÈN.
- Khitruk, E. B. (2017) “Ja ne mogu sebe èтого pozvolit'”: sistema tabu v sovremennoï mal'chisheskoï kul'ture [“I can not afford it!”: the taboo system in the modern boyish culture], in: Khitruk, E. B. (ed.) *Mal'chishestvo kak sotsiokul'turnyï fenomen*, Tomsk: Natsional'nyï issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, pp. 4—10.
- Kimmel, M. (2002) A war against boys?, *Tikkun Magazine*, vol. 15, no. 6, pp. 57—60.
- Kimmel, M. (2003) About a boy, *Vassar*, vol. 100, iss. 1, available from <http://vq.vassar.edu/issues/2004/01/last-page/> (accessed 15.05.2017).
- Kon, I. S. (2009a) *Mal'chik — otets muzhchiny* [The boy is the father of a man], Moscow: Vremia.
- Kon, I. S. (2009b) *Muzhchina v meniaiushchemsia mire* [Man in a changing world], Moscow: Vremia.
- Konnell, R. (2015) *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaia politika* [Gender and power: Society, personality and gender policy], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pollak, U. (2014) *Nastoiashchie mal'chiki: Kak spasti nashikh synoveï ot mifov o mal'chishestve* [Real boys: Rescuing our sons from the myths of boyhood], Moscow: Resurs.

Материал поступил 12.09.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хитрук Екатерина Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, lubomudreg@gmail.com (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation).